

Сколько было облав и погонь...

Рут Татрис

Вдох-выдох, тетива звенит в напряжении, руки вздулись натруженными жилами, удерживая натянутый до предела лук. Вся она превратилась в один большой тугой комок тонких, как нити, нервов, обостренных к каждому мимолетному движению, каждому дуновению ветра, доносящего до нее едва слышные звуки. Указательный палец обвиняющим перстом направлен в сторону серой волчьей шкуры. Вдох-выдох, еще несколько секунд до отчаянного броска вперед опасной ядовитой змеи-стрелы, которая послушно вопьется в податливую мягкую плоть.

Сокрытая камнем, Рут неслышно притаилась, целясь из лука в волка, не подозревающего о том, что уже через несколько секунд он станет ее добычей, возмездием за свои кровавые похождения. Рут по праву считала волков одними из самых опасных животных - сколько его не корми, он все равно будет смотреть в лес. Когда местные жители начали жаловаться на то, что пропадает скот, иногда - люди, и иной раз находят растерзанные туши животных, Рут поняла, что ситуацию нужно брать в свои руки. И она справедливо подумала на орудующего в окрестностях деревни волка. Опасного дикого зверя, набравшегося наглости лезть к человеческому жилью.

Несколько недель она выслеживала волка, пока не убедилась в том, что идет по нужному следу. Одиночка, изгнанный из стаи, забредший слишком далеко на Тибет, и оттого вынужденный охотиться за той добычей, которая оказалась ему по зубам. Овцы, козы, кабарги. Люди. Рут не было его жалко, каждый сам за себя. Если он слишком слаб, чтобы отвоевать себе место в стае или собрать свою собственную, значит, такова его судьба.

Вдох-выдох, мгновение - пальцы отпускают тетиву, отправляя в полет стрелу, с легким свистом рассекающую густой туманный утренний воздух.

Хельмут Кунц

Волк неторопливо бежал по едва видимому следу кабарги – животное прошло тут довольно давно, запах практически растворился в воздухе, да и он был вполне себе сыт. Так что это занятие носило исключительно развлекательный характер – бежать просто так не интересно, а тут он вроде как бежит с какой-то, пусть весьма призрачной и неуловимой целью.

В горах было хорошо. Спокойно так. Иногда ему казалось, что он чует запах кого-то из собратьев, но, видимо, их пути пересекались настолько редко, что столкнуться морда к морде до сих пор не довелось. Возможно, ему стоило задуматься о том, что запах и следы он замечал неподалеку от деревни и пастбищ, на которых паслись яки. Сам он там бывал редко, закономерно опасаясь каких-нибудь ретивых охотников из местных. Мало кому понравится серое соседство рядом со стадами. К тому же яки его не интересовали – они были слишком крупными и скучными. На такого зверя удобнее охотиться стаей, там еды хватит на всех. А одному зачем оно?

Вот волк приостановился, тщательно обнюхивая следы. Он ясно чуял еще один запах – волчий и уходящий в сторону от запаха кабарги. К деревне? Зверь повернул голову в ту сторону, принюхиваясь и раздумывая, какой же след теперь выбрать. Внезапно все его существо обожгло предчувствием опасности – от самой холки и до кончиков лап волна холода, и следом, почти мгновенно – жар и адреналин. Повинуясь взывшему инстинкту самосохранения, он прынул в сторону, но уйти все же не успел – длинная стрела вонзилась в плечо, торжествующе звеня оперением. Зверь взвыл от боли и бросился в сторону, неловко проламывая кусты. Быть охотником и самому оказаться объектом охоты – не самая приятная перспектива. Стоило остановиться, подумать, принять меры, но вместо этого он просто стремился уйти подальше от опасной зоны и в тишине зализать раны. Звериный инстинкт на некоторое время перекрыл команды разума.

Рут Татрис

Не дели шкуру неубитого медведя - эту народную мудрость Рут знала также хорошо, как и собственное имя. И то, что вместо медведя сейчас выступал серый, сути особо не меняло. И все же Рут допустила одну единственную ошибку - слишком рано начала праздновать победу. Зубастый дернулся в сторону, и стрела, вместо того, чтобы войти в шею, зубасто вонзилась в мохнатое плечо. Воздух разорвало болезненным воем, девушка неслышно выругалась и, поднявшись из-за камня, бегом устремилась следом за зверем, чтобы достать его до того, как тот уйдет, и она потеряет его след. След того, кого она так долго выслеживала и искала среди камней и редкого кустарника. Была проделана слишком большая работа, чтобы сейчас все шло волку под хвост.

Она перемахнула через камень, ныряя в заросли, через которые пробирался, треща ветками, серый, проскользнула неслышно, и все ее существо охотника сейчас кричало только не отстать, только не потерять его из виду. Была надежда пойти по следу крови, но она была призрачной - настолько сильно вошла стрела, как сильно будет течь кровь, на сколько хватит волку сил и выносливости уйти, что было намного легче проверить на выносливость себя, чем его, и догнать его сейчас.

Волк следовал звериным инстинктам, стараясь уйти подальше и поглубже, забиться и спрятаться, но Рут не планировала так легко его от себя отпускать. Либо она его достанет, либо...нет никакого другого либо. Она просто его достанет, сколько был сил это у нее не отняло. Нельзя оставлять в живых раненого зверя, который и до этого нападал на людей. После этого он обозлится еще больше, все на тех же людей, и начнет возвращаться в деревню все чаще и чаще. Этого нельзя было допустить.

Хельмут Кунц

Волк бежал тяжело, но все же быстрее человека, к тому же местность вокруг была отнюдь не равнинной и человеку приходилось соблюдать большую осторожность, чем ловкому зверю. Да и различить среди камней серую шкуру было той еще задачей. Если бы не кровь.

В начале зверь просто бежал вперед, стремясь разорвать дистанцию и отыскать место, где он мог бы отлежаться и зализать раны. Но чем дальше он бежал и больше сил терял, тем слабее становился контроль инстинктов и все громче

говорил человеческий разум. Первый шок прошел, страх пролетевшей совсем рядом смерти отступил перед необходимостью спасти свою жизнь здесь и сейчас. Теперь волк бежал немного медленнее, но значительно более обдуманно, постепенно он стал забираться влево, где, как он помнил, было множество небольших ущелий и переходов, по дну которых бежали ручьи, спускающиеся с горных склонов и впадающие потом в озеро. Вода пригодится, чтобы сбить преследователя со следа.

Волк петлял, пытался бежать по твердым камням, на которых почти не остается следов, но в тоже время старался экономить силы. В данный момент он хотел сбить неизвестного охотника со следа, запутать его и найти место для того, чтобы перевоплотиться и без помех избавиться от стрелы. Это представлялось не очень сложным, потому как раньше он со стрелами просто не сталкивался.

Внезапно зверь остановился, обнюхивая почву под лапами, а потом стал осторожно отступать, стараясь наступать в свои же собственные следы. В обычном состоянии этот фокус удался бы ему без особых помех, но вот рана мешала и отрицательно сказывалась на равновесии. Но все же он старался. Пройдя так некоторое расстояние, волк просочился в узкую щель между двумя высокими валунами и стал осторожно, практически ползком отходить в сторону, чтобы затем скрыться в густом кустарнике. Разгадает или нет охотник его небольшой трюк?

Рут Татрис

Рут хорошо знала эти горы, проводя в них почти все свое время, но все же она была человеком, в то время как зверь руководствовался врожденными инстинктами, подсказывающими ему, как сделать лучше для его безопасности. Если бы не кровь, капающая с раны на плече, Рут могла бы потерять свою добычу среди камней, но рана сыграла с мохнатым злую шутку- каждое его движение только тревожило стрелу, вонзившуюся в мышцу, и вызывало новый поток крови, не сильный, чтобы истекать ею, но достаточный, чтобы оставались следы. Забавные красноватые следы от передней лапы, шкура которого насквозь пропиталась и оставляла своеобразную метку в виде волчьей лапы. Легко узнаваемой.

В воздухе то и дело начинало пахнуть кровью - и это ощущение накатывало на Рут какими-то приступами. То нет-нет, то нахлынет, заставляя дрожь пробегать вдоль позвоночника, и она чувствовала металлический вкус крови, чувствовала азарт охотника и желание во что бы то ни стало поймать свою добычу. Животное, яростное желание, желание сильного, крупного охотника, зверя, но не человека.

Она обескураженно остановилась, когда следы кончились - Рут закружила на месте, но почти сразу же поняла, что что-то тут не так. Звери так не делают. Звери не возвращаются назад, наступая на свои собственные следы, да еще так аккуратно, как сделал этот волк. Раненый в плечо, теряющий кровь и свои силы. Закралось сомнение, действительно ли волка она преследует? Или кого-то иного в волчьей шкуре? Рут крутанулась назад, возвращаясь к тому месту, где следы раздваивались, и внимательно смотрела окрестности, держа лук наготове. Она ориентировалась только на кровь - камни не хранили следы, и она могла лишь догадываться, куда мог пропасть волк. Рут прищурилась, заметив размазанное багровое пятно на одном из камней, что образовывали узкую расщелину. Она бы

при всем желании не смогла в нее пролезть, но знала, что расщелина сквозная, и либо волк выйдет с другой стороны, в кустарник, либо с этой. Но он не будет сидеть внутри. Или это все-таки не волк? зверь в облике человека и человек в облике зверя. забавная ирония.

Девушка не полезла внутрь, не стала и дожидаться появления зверя возле расщелины - она сделала совершенно другое - помогая себе руками, ловко вскарабкалась наверх двух валунов и выпрямилась в полный рост, заняв весьма выгодную позицию. Сверху ей было хорошо видно, горы на западе от монастыря выгодно отличались от северных - здесь не было огромного нагромождения скал, и относительно ровная местность не предполагала возможности тщательно прятаться. Рут наложила стрелу на тетиву, сама натянутая, словно тугая пружина, готовая отреагировать на любое движение. Ну, давай. серый, покажись.

Хельмут Кунц

Расщелина была довольно узкой. И если волку там было достаточно места, то человек, случись что, попросту бы застрял. А него было слишком много опыта неудачных застреваний, чтобы вот так просто тут остаться, поэтому, зверь выбрал кустарник. Правда и расщелина сыграла свою роль – слишком узкая она попросту обломала торчащую в плече стрелу. Двигаться проще не стало, зато оперение не цеплялось за кустарник, рискуя выдать его с головой. Рут не очень повезло с сезоном - листва в сочетании с неподвижностью давали прекрасное укрытие, а двигаться он не собирался. Зато мог отлично любоваться охотницей, положив голову на лапы и щуря глаза. Людей в этом обличье он различал чрезвычайно плохо, но все же казалось – эту знает. Но не помнит. Не важно.

В руках охотницы был лук, оружие в целом менее удобное, чем огнестрел – все же несколько часов тетивы натянутой не продержишь – руки устанут. Но так же было и понятно, что в игру кто кого пересидит здесь не поиграешь. Нужно было уходить. Осторожно. Охотница осматривает все вокруг – ей надо не пропустить его, с какой бы стороны от выбранных ею в качестве наблюдательного пункта камней он не показался, поэтому иногда приходится поворачиваться и смотреть в другую сторону. Несколько секунд, но этого достаточно, чтобы буквально по несколько сантиметров смещаться к еще одной груде валунов. Скрыться за ними – потом еще вниз и вниз, короткой перебежкой и дальше, скрываясь из поля зрения. Да. В идеале. Пока же – мгновения отвлечения, несколько сантиметров продвижения к цели. И не стоит думать о том, что в следующий раз охотница скорее всего не промахнется.

Рут Татрис

Время капало, просачиваясь в расщелину между двумя валунами. Рут следила за окрестностями, всматриваясь в любое показавшееся ей подозрительным движение листвы или веток кустарника с одной стороны, или за голыми камнями с другой. Она чувствовала, что зверь где-то здесь, что не ушел - чувствовала это не ощущениями, но где-то внутри, где ворочалось что-то иное, звериное. свирепое, кровожадное. Оно точно знало, что волк все еще здесь. А может, Рут просто хотела в это верить, отчаянно и до яростного желания дойти до конца этой охоты.

Время тянулось. В голову Рут пришла одна идея, которую она сейчас хотела проверить на практике. Если она не может выследить зверя, потому что не видит

его, не поможет ли ей то, что может увидеть. даже несмотря на внешние прикрытия? Подобное она проделывала всего лишь один единственный раз в жизни, и не сказать, чтобы результат оказался впечатляющим. Рут расфокусировала взгляд, стараясь перестроиться на видение аур и не моргая, иначе могла скинуть все усилия к чертовой матери.

Зрение сбило и мелькало перед глазами разноцветными пятнами, и только через несколько секунд Рут смогла его как-то настроить, как настраивают барахлящий оптический прибор. Она прищурилась, чтобы не потерять это видение аур, и, медленно поведя головой в сторону, внезапно заметила яркое пятно прямо под валунами, среди зеленых зарослей, неподвижное, но оформленное в виде чего-то живого, чего-то...кого-то. Сомнений у нее не возникало - уже знакомый серый, схоронившийся в густой листве. Хитер, зараза, но человека сложно обмануть. Отличается ли чем-то аура зверя от ауры человека - Рут не могла сказать точно, но одно могла сказать - это пятно было живым. И было ли оно зверем или человеком, это было именно тем пятном, которое ей требовалось. Уставившись расфокусированным взглядом прямо на яркое пульсирующее в такт дыханию пятно, постепенно приобретающее четкие очертания, Рут одним движением подняла лук, натягивая его до уха. С такого расстояния она не промахнется.

- А ты точно зверь, серый? Может быть, гораздо больше, чем зверь? - обратилась она к волку, замершему внизу, но пока не спуская тетивы. Уверенная, что он ее услышит. Рут только не знала, какого подтверждения она ждет - что волк бросится из зарослей вон, и она сможет со спокойной душой пустить ему вслед стрелу, на этот раз не промахнувшись, или что он как-то даст ей понять, что она права. Или, быть может, это только плод ее воображения, и она слишком долго прожила в монастыре, если ищет в каждом диком звере спрятавшегося внутри человека?

Хельмут Кунц

Охотница ему как назло попалась очень упорная. Она почему-то не хотела думать о том, что ни один нормальный зверь не будет сидеть тихо в такой близости от человека и упорно что-то выискивала. А ему сидеть в своеобразной засаде и претворять в жизнь план по спасению своей серой шкуры от стел – все сложнее и сложнее. Зверь слабел – он был на свободе уже довольно долго, а рана совсем не добавила ему сил. И он уходил, сам пока до конца не замечая – уходил, отступая перед другим разумом.

Но превращаться сейчас означало практически верное самоубийство – на любое движение шорох будут стрелять и он ждал, ждал из последний сил, стараясь все же уйти, отгородиться от стрелы хотя бы камушком покрупнее. А потом звериного слуха внезапно достиг голос. Простой человеческий голос, который можно сказать и стал последней каплей. Только вот непонятно, как нашла. Слишком глазастая охотница. Последние мысли соскальзывающего в глубину волчьего сознания и вот уже человек болезненно, медленно распрямляется, превращение дается намного тяжелее чем обычно, а стрела доставляет еще больше боли меняющейся плоти. Достать ее будет ох как непросто. Хельмут тихо рычит, почти ослепнув от боли и все пытается понять – одна стрела или их все же уже несколько больше? В любом случае, ясно одно – эту охоту он проиграл.

Рут Татрис

А в ответ - молчание. Напряженное, тягостное, долгое. Но Рут почему-то не стреляла, держа стрелу наготове, ждала чего-то. Может быть, в глубине души надеясь, что не ошиблась. Что действительно выследила не зверя, но человека в волчьей шкуре. Странного человека, умеющего превращаться. Зрение сбоило, норовило соскочить и пропасть, оставив непривлекательную картинку голого Тибета, но Рут из последних сил отчаянно удерживала расфокусировку, чтобы не потерять расплывающееся перед глазами пятно чужой ауры. А потом аура зверя взорвалась красным, буквально ослепив Рут яркостью и насыщенностью алого оттенка, и она неосознанно моргнула, теряя это видение, а перед глазами, словно выжженное внутри сознания, до сих пор алело пятно, мешая смотреть. Она не поняла, что произошло с аурой, что случились такие перемены, и, не опуская лука, вцепилась взглядом в то место, где мгновением раньше сидел волк...только волка уже нет. Нет, это уже не волк. Рут прыгнула с валуна, аккуратно ступая, так что ни один камешек не скрипнул под высокими охотничьими сапогами, приближаясь к возне в зарослях, тихому рычанию, и впервые в своей жизни увидела, что это такое - обратное превращение. Увидела, как ломает тело зверя, но нет, уже все-таки тело человека, возвращая ему привычную внешность. Выглядело это действительно жутко. Рут отступила на шаг назад, не в силах оторвать от этого отвратительного, но притягивающего взгляд зрелища. Что-то внутри отозвалось глухим ворчанием, попыталось прорваться на волю, и Рут поняла, что это такое - самка леопарда, запертая в клетке из ребер. Ее второе я, до сих пор проявляющее себя исключительно в редких и уникальных случаях. Что заставило ее сейчас проснуться? Непривлекательное зрелище или резкий металлический запах крови? Азарт охоты и ярость хищника, почувствовавшего более слабого противника? Рут отступила еще на пару шагов назад, баюкая самку, уговаривая ее успокоиться. Они обе еще не готовы к тому, чтобы она вышла наружу.

Так, на расстоянии нескольких шагов, она наблюдала за человеком, принимающим свой истинный облик, допустив страшную оплошность - опустив свое оружие. Ей почему-то казалось, что это человек уже не опасен.

Хельмут Кунц

Вокруг него могла сейчас скакать целая толпа охотников с луками и гранатометами наперевес – в этот момент значения это не имела, потому как все сознание, все понимание мира заменила собой боль. Чистая, яростная, слепящая и отчаянно просветляющая. Как тут говорят – практически момент дзен. Только какой-то он у него выходил не радостный и от nirваны или чего-то подобного далекий. Медленно и неохотно боль отступает, отходит, затаившись, чтобы вернуться при первой же возможности и он снова начинает воспринимать себя в этом мире. Видеть, слышать, чувствовать, а потом и думать. Вспоминать. И воспоминания эти трудно назвать хорошими. Память услужливо подсказывает, что где-то здесь затаилась лучница, очень жаждущая себе его серую шкуру на перчатки и воротник. Но даже этого недостаточно, чтобы заставить его собрать конечности в кучку и начать шевелиться. Очень уж спокойно и благостно валяться на спине, созерцая такое близкое в горах небо и ни о чем не думать. Но думать все-таки приходится – в начале о стреле, отзывающейся дергающей болью, потом, что закономерно, о человека, который этой стрелой его одарил.

Хельмут скашивает глаза, стараясь разглядеть валуны, на которых недавно восседала бравая охотница, но сейчас там никого нет. Поэтому взгляд приходится перевести на вещи более приземленные и даже повернуть голову, обозревая теперь определенно женские ножки в высоких охотничьих сапогах. Отличный вид, если подумать. Только вот недо видов сейчас, ой не до видом. У дамы скорее всего шок, а как отойдет и опять начнет стрелами кидаться? И будет он тут распят как бабочка в альбоме натуралиста. Отличная участь, всегда мечтал. Шевелиться очень трудно и болезненно, поэтому таких попыток Хельмут пока не предпринимает – от лука он точно не убежит, а сил для того чтобы встать да еще молодецки скрутить в охотницу у него все равно нет. Это только в кино герои с сотней стрел в спине и прочих частях тела браво машут тяжелыми железяками и спасают мир. А тут стрела только одна, а проблем от нее столько, что тут не миры спасать, а даже моргать и то больно. Или это последствия превращения? Тут Хельмут всерьез забеспокоился насчет того, как его организм при превращении принял эту чертову стрелу, а вдруг вросла в кость как будто так и надо? Мысль достаточно пугающая сама по себе вызывает всплеск адреналина достаточный для того, чтобы временно перекрыть все прочие ощущения и банально сесть. Вот только сделать это получилось настолько резко, что чуть было обратно не прилег. Но постепенно мир перестает кружиться и начинает восприниматься намного более адекватно чем всего несколько секунд назад. Достаточно, чтобы теперь любоваться не только сапогами, но и самой охотницей, которую он кстати видел и даже немножко знает – помнится, как раз под ее руководством учился держать на каком-то мастер-классе этот самый лук. Только теперь он вряд ли возьмется за него повторно. Нехорошее какое-то оружие, болючее.

- Фроляйн можно поздравить с удачной охотой? – нарушает все же молчание Хельмут, потому как нервы уже совсем ни к черту и звенят как натянутая тетива все того же лука – будет или нет стрелять. Хотя оружие девушка опустила – но вернуть его в исходное положение долго ли?

Рут Татрис

Превращение, судя по всему, крайне болезненное. Настолько, что тело человека выламывает, как в агонии. Рут знает, как это бывает, не раз видела. Но все же тогда и сейчас - с одной разницей. Человек перед ней явно остается жив - его грудь тяжело вздымается, что дает Рут возможность делать выводы о жизнеспособности мужчины. И о его потенциальной опасности, но уже спустя пару секунд становится понятно, что он не сможет не то, что напасть на нее, он не сможет даже подняться с первого раза. И ощущение опасности мигом отступает, только лук все еще в руках, готовый тому, что его могут пустить в ход. А Рут все ждет, не отводя внимательного, даже несколько любопытного взгляда - еще никогда так близко она не видела, как человек превращается. Значит, вот что ее однажды ждет. Ее это не пугает. Это закономерно. Такие изменения тела не могут проходить бесследно и бесчувственно.

Но человек, наконец, набирается сил, чтобы сесть и выдать первую фразу. Ожидаемо - не приветственную.

- Вряд ли, - ответила Рут. - Я промахнулась и...искала совсем другого зверя. Если только это не вы задираете овец в деревне.

Она нашарила взглядом кровоточащее плечо, все-таки опустила лук и забросила его за спину, на колчан. Ей было знакомо лицо этого мужчины. Она не знала его имени, но видела его в монастыре, и не раз. И теперь ее уверенность в том, что она действительно нашла того волка, который наведывается в деревню, стремительно падала в область нуля. Может ли человек, обитающий в монастыре, поступать так подло? Рут казалось, что нет. Или хотелось верить, что нет. Но она сделала выбор - убрала оружие, спрятала стрелу в колчан, пусть за голенищем и остался кинжал, который она сейчас не собирается использовать.

- Надо вытащить стрелу и обработать рану, - ровно и спокойно говорит Рут, словно это не она полчасом ранее выстрелила в серую шкуру волка-человека. Ее это не трогает. На ее месте он поступил бы также. Также? Она достает из подсумка толстый рулончик бинта и какой-то порошок, любовно и аккуратно завернутый в чистую тряпицу. - Если позволите.

Хельмут Кунц

Ну да, а чего им здороваться? Они вон как уже хорошо поздоровались – целой стрелой и хорошо, что не в филейную часть. Понимание это настигает внезапно и приводит к странному, но однозначно глубокомысленному выводу – промахнулась девушка очень удачно. Все могло быть намного больнее и обидней. Представив на мгновение, как пришлось бы вытаскивать стрелу из такого интимного места, Хельмут аж вздрагивает и решает, что какая-то доля удачи у него все-таки есть и ее даже чуть больше, чем надо для того, чтобы эта стрела не стала в его жизни не только первой, но и последней.

- Не я, - совершенно честно сознается Хельмут, - Они глупые и скучные. К тому же – частная собственность, - последнее понятие для него как для большинства европейцев уважаемо и практически священо.

- Хотя волчьи следы в той стороне мне попадались, - память о нахождении в зверином обличье возвращается будто кусками – не от того, что не осознавал, что было, просто осознавал совершенно по-другому. Зверям чуждо абстрактное мышление и переводить категории разума волка в привычные человеку – трудно.

- Как раз перед нашей чудесной встречей в последний раз и попались, - картина в голове окончательно восстановлена, но сейчас, право, не до бегства и поисков.

- Было бы очень неплохо, - на девушку он не сердится – с чего бы – она видела волка, она стреляла. На нем же ошейника нету с надписью, что монастырский или еще какой опознавательной. Не засадила еще одну стрелу во время превращения – уже хорошо. С другой же стороны, сама стрелу у него в плече оставила, пусть и достает сама. Все вроде как правильно и честно.

Рут Татрис

В данной ситуации охотница считала более вероятным испортить простреленный рукав еще больше, поэтому аккуратно, но быстро кинжалом подцепила ткань и разрежала вдоль раны, давая себе больше доступа к повреждению. Стрела повредила только мягкие ткани, скорее всего, даже не задела кость. Все же человеку-волку повезло больше, чем могло бы, и урон был минимальный с учетом того, куда целилась Рут. Попади она в волка чуть выше, он бы был уже неспособен

на эти горные гонки, а Рут бы уже снимала с него шкуру, чтобы затем растянуть ее на станке.

- Я была бы признательна, если бы вы мне показали то место, где видели его следы, - сказала Рут. С этим волком у нее теперь личные счеты, потому что из-за нее пострадал человек, невиновный в проблемах деревни. Или все-таки не человек, а волк?

Рут работает быстро и споро, без лишних эмоций - крепко зажимает ладонью выше раны, берется за обломок стрелы и одним движением резко выдергивает ее из плеча мужчины. Откладывает в сторону, все также продолжая прижимать плечо, прикладывает к ране тряпицу с порошком крапивы, который призван эту кровь остановить как можно быстрее, плотно прижимает и забинтовывает поврежденный участок, накладывая слой за слоем, в конце завязывая разорванный напополам бинт узлом и закрепляя его на плече мужчины.

- Как вернетесь в монастырь, обратитесь к врачевателям. Это, к сожалению, все, что я могу сделать сейчас, - из врачевания все, что она может - это с грехом пополам видеть чужую ауру да говорить о том, что как-то можно и лечить - но как именно, Рут не имеет ни малейшего понятия. Поэтому она привычно обращается к тем средствам, которые привычны и знакомы ей - травы и бинты.

Хельмут Кунц

Наблюдать за охотницей, за тем, как она работает – интересно. Четко, споро и без лишних эмоций. Хотя странно было бы ожидать, что человек, спокойно пускающий стрелу, будет потом пугаться вида крови или дрожать над ранами.

- Конечно покажу, - мужчина согласно кивает. У него к этому волку теперь тоже особый счет. Все же очень хочется взглянуть на того, из-за кого он словил стрелу и высказать ему за то большое человеческое спасибо.

Почувствовав прикосновение к стреле, которое тут же отозвалось болью, Хельмут замирает, инстинктивно напрягается и прикусывает губу, чтобы не орать на все горы от боли. Эхо тут хорошее – и оглушит и распугает окрестную добычу. Но девушка действует быстро и споро, без неуместной в данной ситуации жалости и стрела покидает насиженное место. Кровь теперь течет сильнее и обильнее, но и ее движение вскоре останавливает крепкая повязка и травы. Мужчина инстинктивно прижимается, пытаясь определить, чем там его лечат, но знаний явно недостаточно для того, чтобы вот так определить.

- Что это? – с любопытством спрашивает. Почему бы и нет? Врачеватель он вообще никакой и совершенно не представляет, как это работает, а вот травы кажутся чем-то более понятным и надежным – в них сила природы и самой земли.

Когда Рут заканчивает, он осторожно двигает плечом, определяя, насколько хорошо наложена повязка, и довольно кивает. Точно продержится и до лазарета и выдержит небольшой поход, который они тут запланировали. Болезненные ощущения после превращения совсем сошли на нет и Хельмуту кажется, что он вполне в состоянии вернуться к тому месту, где видел следы, показать и даже немного поучаствовать в

охоте. Почему-то целиком оставлять это дело на откуп девушке ему не хочется.

- Так чем вам все-таки не угодил этот волк? – уточняет он, поднимаясь на ноги и оглядываясь по сторонам. Нужно немного времени на то, чтобы сориентироваться, все же зверь видит все иначе, чем человек.

Рут Татрис

- Крапива, - отзывается Рут, кивая на повязку из бинтов. И поясняет, считая, что одного слова для объяснения всех тонкостей будет недостаточно. - Останавливает кровь, обеззараживает. Не хуже антибиотиков.

Несмотря на то, что ее отец был врачом, Рут совершенно не разбирается во всех этих новомодных лекарствах, предпочитая средства, проверенные временем и многими поколениями людей, вынужденных использовать для жизни только то, что есть под рукой. И порошок из крапивы - не самое страшное средство, которое может придумать извращенная и богатая человеческая фантазия. Есть средства и похуже. И, чего уж говорить, намного отвратительнее.

Рут задумывается над тем, что ответить на, казалось бы, простой вопрос. Она молчит и тщательно складывает остатки лечебных материалов в подсумок на поясе, где, среди прочих бинтов и свертков с травами, корешками и порошками, лежит зажигалка и прочие необходимые ей мелочи, которые не занимают слишком много места.

- У меня есть основания считать, пропадающий в деревне скот - его лап дело. К тому же местные жалуются, что начинают пропадать люди. Если он попробовал человеческой крови, то уже не остановится. Такова волчья натура. Не в обиду, - заметила она, вспоминая, чьей шкурой не далее, как несколько минут назад, прикрывался мужчина. Но будет глупо убеждать окружающих, что волки, даже если внутри них прячется человек, становятся мирными, словно ручные котята. Зверь прежде всего всегда остается зверем.

Она терпеливо ждет, пока мужчина сориентируется в окружающей его обстановке, и следует за ним, когда он начинается двигаться в сторону, обратную той, откуда они пришли вдвоем в этой безумной погоне по горам. Охота еще не закончилась.
